

УДК 821.161.1.07–343.4"20"

<https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-4-8-17>

Встреча с таинственным существом как сюжетобразующий элемент в литературных сказках начала XX века

Н.С. Степанова¹ ✉, Н.А. Абу Юсеф¹

¹Юго-Западный государственный университет

ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: ns-kursk@yandex.ru

Резюме

Статья посвящена изучению рецепции архетипического сюжета о встрече с таинственным существом в некоторых сказках русских писателей XX века, которое приводит к пониманию того, насколько по-разному были продолжены фольклорная и литературная традиции в соответствии с художественными задачами, поставленными писателями.

Цель и актуальность нашей работы определены необходимостью изучения того, как А.Н. Толстой, Л.А. Чарская, М.А. Осоргин переосмыслили в своем творчестве один из архетипических сюжетов, а также исследования национальных традиций детского чтения и создания более полной истории русской художественной литературы. Исследование базируется на комплексном подходе, включающем применение сравнительно-исторического, историко-литературного, описательно-аналитического методов.

Проанализированы художественные образы сказок А.Н. Толстого, Л.А. Чарской, М.А. Осоргина; определено их индивидуально-авторское содержание, отражающее синтез фольклорного, мифического и реалистического планов повествования. Показано, что в соответствии с традицией в рассмотренных литературных сказках сохранены основные художественные образы, основные мотивы (встреча с мистическим существом, несоблюдение запрета и последующее наказание, нарушение границы между космосом человека и миром нечистой силы) и элементы архетипического сюжета о водяной деве (русалке). Установлено, что, несмотря на видимое совпадение образов главных героев, сюжетных линий, мотивов, хронотопов с мифологическими, фольклорными, литературными канонами, авторы, чьи сказки составляют материал исследования, разработали сюжеты и создали художественные образы, которые обладают неповторимо индивидуальными качествами и характеристиками.

Ключевые слова: А.Н. Толстой; Л.А. Чарская; М.А. Осоргин; литературная сказка; архетипический сюжет; русалка.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Степанова Н.С., Абу Юсеф Н.А. Встреча с таинственным существом как сюжетобразующий элемент в литературных сказках начала XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2024. Т. 14, № 4. С. 8-17. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-4-8-17>.

Статья поступила в редакцию 02.10.2024

Статья подписана в печать 12.11.2024

Статья опубликована 17.12.2024

An encounter with a mysterious creature as a plot-forming element in literary fairy tales of the early 20th century

Nadezhda S. Stepanova¹✉, Natalya A. Abu Yusef¹

¹Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: ns-kursk@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the reception of the archetypal plot about a meeting with a mysterious creature in some fairy tales of Russian writers of the twentieth century, which reveals how differently the folklore and literary traditions evolved in accordance with the artistic tasks set by the writers.

The purpose and relevance of our work are defined by the necessity to explore how A.N. Tolstoy, L.A. Charskaya, M.A. Osorgin rethought one of the archetypal plots in their work, as well as research into national traditions of children's reading and create a more complete history of Russian fiction. The study is based on an integrated approach, including the use of comparative-historical, historical-literary, descriptive-analytical methods.

The artistic images of the fairy tales of A.N. Tolstoy, L.A. Charskaya, M.A. Osorgin are analyzed; their individual-authorial content is determined, reflecting the synthesis of folklore, mythical and realistic plans of the narrative. It is demonstrated that, in accordance with tradition, the primary artistic images, key motifs (meeting with a mystical creature, non-observance of the prohibition and subsequent punishment, violation of the boundary between the human cosmos and the world of evil spirits) and elements of the archetypal plot about the water maiden (mermaid) are preserved in the considered literary fairy tales. It is found that, despite the apparent similarity in the images of the main characters, plot lines, motifs, chronotopes with mythological, folklore, literary canons, the authors, whose fairy tales constitute the material of the study, developed plots and created artistic images that have unique individual qualities and characteristics.

Keywords: A.N. Tolstoy; L.A. Charskaya; M.A. Osorgin; literary fairy tale; archetypal plot; mermaid.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Stepanova N.S., Abu Yusef N.A. An encounter with a mysterious creature as a plot-forming element in literary fairy tales of the early 20th century. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2024; 14(4): 8–17 (In Russ.). <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2024-14-4-8-17>.

Received 02.10.2024

Accepted 12.11.2024

Published 10.12.2024

Введение

Таинственное существо – общее наименование полумифических-полулегендарных существ, сотворенных фантазией человека, встретившегося с чем-то или с кем-то непонятным, и обретшим в его воображении и сознании антропологические (гуманоидные) или зооморфные черты. Таинственные (мистические) существа – домовой, леший, водяной, банник, кикимора, полудница, ала (хала), самодива (вила, самовила), богинка и др. в славянских культурах; феи, гномы, ру-

салки, эльфы, лепреконы и др. в западной культуре, – являясь привычной частью богатого фольклора европейских народов, стали излюбленными героями сказок и легенд, а встреча с ними – сюжетообразующим мотивом многих литературных произведений.

Изучение рецепции архетипического сюжета о встрече с таинственным существом в сказках русских авторов начала XX века приводит к пониманию того, насколько по-разному были развиты и представлены фольклорная и литератур-

ная традиции в соответствии с творческими задачами и художественным миром писателей. Из всего разнообразия литературных произведений, посвященных встрече человека (литературного героя) с таинственным существом и наступивших последствиях, рассмотрим в рамках нашей статьи три текста русских писателей начала XX века, сюжетообразующим элементом которых является встреча с русалкой.

Русалка (морская дева, водная дева, водяная дева) – общее наименование водяных мифических существ в легендах и мифах народов Европы, обозначающее деву с рыбьим хвостом вместо ног, живущую в реке или море. Местом действия может быть как абстрактное пространство на границе воды и суши, так и территория, «привязанная» к особенностям конкретной местности (для создания национального колорита).

В русской литературе образ водяной девы слился с образом славянской русалки, которая внешне была похожа на человека и ходила на двух ногах. Русалки в мифологии восточных славян напоминают духов природы вроде античных нимф и нереид. Многие исследователи подчеркивают, что русалку в европейском фольклоре и литературе нельзя путать со славянскими русалками, поскольку это абсолютно разные существа. В англоязычном бестиарии для славянских русалок употребляется слово *rusalka*, а для морских дев – *mermaid*.

Образы русалок в литературных сказках начала XX века имеют разные воплощения «благодаря универсальному для человеческого мышления принципу персонификации природных сил». Рассмотрению воплощения и бытования этого архетипического образа посвящены докторская диссертация и многочисленные статьи Н.И. Вербы¹; диссертации

В.А. Головки², У.В. Матасовой³, А.С. Матвеевой⁴ и др.; исследования о морских девах/русалках В.А. Белоусовой, В.И. Дынина, Р.Т. Киреева, Г.В. Ма-матова и др. [1, 2, 3, 4].

Цель и актуальность нашей работы определены необходимостью изучения того, как А.Н. Толстой, Л.А. Чарская, М.А. Осоргин переосмыслили в своем творчестве один из архетипических сюжетов, а также исследования национальных традиций детского чтения и создания более полной истории русской художественной литературы. Исследование базируется на комплексном подходе, включающем применение сравнительно-исторического, историко-литературного, описательно-аналитического методов.

Материалы и методы

Материал исследования – три сказки писателей начала XX века: «Русалка» А.Н. Толстого, «Неделя русалочки» Л.А. Чарской, «Царица-Жемчужина» М.А. Осоргина. В этих литературных сказках переплетены традиционные сказочные сюжеты, мотивы, художественные образы, переосмысленные творческим гением писателей, живших и творивших в интертекстуальном поле русской и европейской культуры, неразрывно связанных «с мировоззренческой системой соответствующей культуры, миро-ощущением и миропониманием эпохи» [5, с. 6].

Методы исследования – сравнительно-исторический, историко-литератур-

¹ Верба Н.И. Архетипический образ морской девы в музыкальной культуре: дис. ... д-ра искусствоведения. СПб., 2021. С. 7.

² Головки В.А. «Русалочки сказки» А.Н. Толстого: жанрово-стилевое своеобразие в историко-генетическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2021. 28 с.

³ Матасова У.В. Мотив «водной девы» в творчестве немецких и русских писателей эпохи романтизма: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2011. 24 с.

⁴ Матвеева А.С. Стиль сказочной прозы Лидии Чарской: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 16 с.

ный, описательно-аналитический. Сравнительно-исторический метод позволяет выявить сходство и различия явлений словесно-художественного творчества, относящихся к разным национальным литературам. Историко-литературный метод обуславливает изучение произведений писателей в контексте конкретной исторической и культурной эпохи с учетом характерных для нее общих литературных тенденций. Описательно-аналитический метод дает возможность последовательно описывать материал исследования, систематизируя его в соответствии с поставленными исследовательскими задачами.

Результаты и обсуждение

К текстам-прототипам, в которых закреплена традиция изображения таинственного, волшебного существа и встречи с ним, прямо или косвенно вдохновлявшая писателей начала XX века, можно отнести:

- фольклорные сказки России и народов Европы, такие, например, как «По щучьему велению» (русская), «Находчивая девушка» (итальянская), «Морская дева и слепой свирельщик Коннор» (ирландская), «Пастух и три русалки» (македонская), «Русалка и неверный Эндрю», «Джон Рид и русалка» (шотландские);

- мифы, сказания, баллады о речных нимфах, феях воды (Ундине, Лорелее, Мелузине, Русалке);

- стихотворения и баллады – «Лорелей» («На Рейне в Бахарахе волшебница жила»), «Из Рейнских сказок» К. Брентано, «Рыбак» И.В. Гёте, «Русалки», «Лорелея» Г. Гейне, «Свитязанка» А. Мицкевича, «Ундина» (литературный перевод повести Фридриха де ла Мотт-Фуке) В.А. Жуковского, «Русалка» («Над озером, в глухих дубровах...») А.С. Пушкина, «Русалка» («Русалка плыла по реке голубой») М.Ю. Лермонтова и др.;

- литературные сказки «Сказка о рыбаке и его жене» из собрания братьев

Гримм, «Русалочка» Г.Х. Андерсена, «Рыбак и его Душа» О. Уайльда, драма «Русалка» и «Сказка о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина и др.

В «Русалочьих сказках» А.Н. Толстого русалки появляются в нескольких сказках: в сказке «Русалка» – как полудевочка-полурыба: «*на столе вытянула зеленый плёс, руки сложила, спит русалка, личико – спокойное, детское...*» [6, с. 66]; «Иван да Марья» – как мавки-древяницы, молодые красивые девушки в белых полупрозрачных одеяниях, с длинными распущенными волосами, которые кружатся в хороводах; весёлые и шаловливые существа, чья игривость – лишь маска: изображая веселье и дружелюбие, русалки заманили Марью к водяному, который превратил ее в липку; «Ведьмак» (плавают «*русалки стайкой, как пескари, маленькие*», «*ухватили голубой месяц и потащили в самую пучину*» [6, с. 73]), «Иван-царевич и Алая-Алиса» («*Откуда ни возьмись прибежали тоненькие, синие еще от зимнего недоеда, русалки-мавки, закачались на деревьях*» [6, с. 80]); в стихотворениях из сборника «Солнечные песни» («Весенний дождь», «Осеннее золото»).

В сказке А.Н. Толстого «Русалка» главной героиней является русалка с рыбьим хвостом, которую дед Семен выловил зимой в проруби: «*Посветил фонарем в прорубь – и видит, на дне около кольца лежит темная рыбина*», «*обошелся дед понемногу; пододвинулся поближе, потрогал – не кусается, и грудь у нее дышит, как у человека*», «*открытые глаза, – светятся*»; «*утром <...> сидела русалка, свесив зеленый плёс с печи, пересыпала камушки из ладони в ладонь, смеялась*» [6, с. 66–68]. В.А. Белоусова отмечает в своих наблюдениях, что рыбий хвост (плёс) – это «атрибут не славянской русалки-утопленницы, а европейской морской девы – обитательницы морей, что свидетельствует о смешении двух образов жительниц вод: славянской русалки и европейской водной девы» [1, с. 28].

Размеры русалки – как большая рыба – и ее детское лицо не вызвали у деда Семена тревоги и опасения, хотя сначала, когда он понял, кого выловил, он испугался.

Сказка повествует, как постепенно завладевает русалка сознанием главного героя, заставляет его выполнять свои капризы, подавляет его волю и подчиняет его себе: *«Дед улыбался в густые усы, думал: “Век бы на нее просмотрел”», «Поиграй, поиграй, золотая, посмейся»* [6, с. 68]. Русалка переменяет человеческую сущность деда задолго до того, как окончательно погубить его: дед Семен и раньше *«жил вдвоем со старым котом на краю села в мазанке»* [6, с. 65], а теперь из-за русалки он рассорился с внуком Федькой, распродал всё своё небольшое хозяйство (овцу и лошадь), удушил (повесил) кота, который пытался спасти его от русалки.

Русалка А.Н. Толстого – это не ундина или наяда романтической традиции, но однозначно отрицательный хтонический персонаж, приносящий в мир смерть и разрушение – это существо-убийца, которое может быть интерпретировано в понятиях категории безобразного: *«И за самое сердце укусила зубами русалка старого деда, – впилась...»*, *«А русалка просунула пальцы под ребра, раздвинула, вцепилась зубами еще раз. Заревел дед и пал с крутого берега в омут»* [6, с. 69]. Образ воды в мифологической версии А.Н. Толстого, как отмечают исследователи, тоже обладает полностью негативной семантикой – вода становится зримым выражением хтонических сил¹.

А.Н. Толстой выстраивает мифологическое пространство литературной сказки путем контаминации жанров былички, бывальщины, этиологического рассказа, ле-

генды, опираясь на мировидение русских крестьян, восприятие ими пространства и времени, представление о демонических существах, понимание добра и зла. В жанре былички герои, время, место действия обычно максимально конкретизированы, а повествование изобилует бытовыми деталями, фантастическими подробностями. В бывальщине же действие предельно обобщено, герои, время, место действия лишены конкретности, неопределенны и расплывчаты. Исследователи отмечают сходство сказки «Русалка» с быличкой, рисующей трагический итог контакта человека и нечистой силы. При этом сказка «Русалка» «все же выходит за рамки былички – главной ее идеей становится не предупреждение об опасности общения с нечистой силой, а нравственный посыл о пагубности отчуждения от мира ради разрушительной страсти»².

Жанровое новаторство сказочной прозы А.Н. Толстого «заключается в сложном синтезе разнородных элементов народной мифологической прозы – не сказочных рассказов (этиологических рассказов, быличек и бывальщин, легенд и поверий) и собственно сказок»³. Итогом синтеза жанров становится самобытная авторская сказка, обладающая своеобразной эстетикой⁴. Главная героиня этой сказки «не ищет любви и вовсе не мечтает обрести бессмертную душу <...> порочна и бесчувственна, она попадает в сети старика как добыча, однако впоследствии совершенно разрушает его жизнь» [7, с. 100]. В данном случае для писателя и исследователей важен не столько жанровый аспект, сколько эмоциональная атмосфера: «мрачная, жуткая, близкая к кошмарам, и трагический финал» [8, с. 125].

С совсем иной русалочкой встречается читатель в сказке Л.А. Чарской «Не-

¹ Головкин В.А. «Русалочьи сказки» А.Н. Толстого: жанрово-стилевое своеобразие в историко-генетическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2021. 28 с.

² Там же, с. 19.

³ Там же, с. 13.

⁴ Там же, с. 4-5.

деля русалочки» (сборник «Синие тучки»). Л.А. Чарская создала повествование в форме дневника русалочки – маленькой девочки, всеми любимой проказницы и баловницы, выдумщицы, чьи шалости кончаются несчастливо только для нее самой.

Русалочка по имени Жемчужина начала вести дневник, потому что так делает хорошенькая земная девочка, которой ей хочется подражать и с которой она хотела бы подружиться. Русалочка ведет дневник, выцарапывая слова коралловой иглой на листе гигантского подводного растения и успевает рассказать в нем о семи днях своей жизни. Дневник для Жемчужины – это форма беседы с самой собою, потому что у нее нет другого, понимающего собеседника: *«И ты, мой милый, но недописанный дневник, прощай!»*, – и с предполагаемыми (воображаемыми) читателями: *«Видите ли, в чем дело. Это сон был, видите ли?»*, *«самая молоденькая из русалочек, Струйка, которая ужасно гордится тем, что у нее неделю тому назад отросли волосы до пяток и она важничает ими ужасно. А между тем еще так недавно она дразнила со мною ершей. Тоже взрослая русалка, подумаешь! Глупая девчонка и большие ничего»* [9, с. 33, 27].

Жемчужина рассказывает о том, как ей удалось встретиться и поговорить с земной девочкой; и из их диалога читателю становится понятно, представления о каких ценностях уже заложены в каждой из них.

Русалочка мечтает о том, чтобы поскорее стать взрослой и выплывать вместе с мамой и другими русалками, чтобы так же расчесывать свои волосы, кружиться в хороводе и петь, – земная девочка уже знает, что надо учиться, жить с верой, потому что *«ни радости тогда не будет, ни счастья»*, и убегает, обрывая диалог с русалочкой, который ей больше не интересен.

Л.А. Чарская не осуждает, не одобряет и не оправдывает позиции девочек:

она показывает, что каждому – свое, что ценности земной девочки и русалочки – разные.

Русалочка так рассказывает о своей беззаботной жизни: *«Нет, не молюсь... и не учусь. Я смеюсь, пляшу, рыб гоняю», «Рыб гоняю... пляшу... смеюсь», «сегодня выплываю со старшими. Ура! Я – большая!»*, *«моя царица-мама с толпою русалок, захватив жемчужные гребни, поднимаются со дна моря к поверхности, и при свете месяца они расчесывают свои золотые косы, водят хороводы и поют. Ах, как поют. Мне ужасно хочется также выплыть с ними, чтобы так же расчесывать свои волосы, кружиться в хороводе и петь»* [9, с. 30, 33, 26].

Земная девочка смеется над этими рассказами и рассуждает: *«Вот так жизнь! <...> смеяться и плясать, чтобы остаться неучем. Нет, не хочу к вам в подводное царство. Скучно у вас. Дурочкой еще останешься!»*, *«А как же без молитвы? А как же без Бога?! Ни радости тогда не будет, ни счастья! Нет, нет! Храни меня Бог от такой жизни! Мне жаль тебя! Жаль, русалочка! Лучше все не жить, чем так-то, без Бога, без молитвы, без ученья, без радости. Прощай, русалочка, мне жаль тебя!»* [9, с. 31].

Однако в финале сказки перед читателем предстает совсем другая девочка-русалка, которая решила пожертвовать собой, чтобы спасти земную девочку, хотя та и оставила последнее слово в их диалоге за собой: *«Нет! Нет! Пусть она будет счастлива, девочка... а я... а я... превращусь хотя... в миногу! И, схватив в одну руку коралловый ножик, а в другую целый пучок моих золотых волос, я сделала движение и...»* [9, с. 33].

Е.О. Шацкий отметил, что сказка адресована растущему ребенку, которого не принимают всерьез взрослые, на которого прикрикивают старшие подруги, чьи заложенные природой положительные качества надо пробуждать, стимулировать и развивать, но который, при всей

своей шаловливости, способен на самопожертвование¹.

Сквозная тема сказки – внутреннее перерождение в лучшую сторону. Читатель следит за тем, как в русалочке Жемчужине, персонаже Л.А. Чарской, зарождается благородство души, ведь жалости и сострадания не всегда бывает достаточно, нужны еще отвага и решительность.

Известно, что у Л.А. Чарской была непростая писательская судьба; негативное отношение критики к ее творчеству, нашедшее отражение, например, в статье «Лидия Чарская» (1912) К.И. Чуковского, имело как объективные, так и субъективные причины; дискуссия критиков и литературоведов о творчестве писательницы к тому же «осложнялась политическими позициями спорящих»². Оценка российскими критиками творчества «одной из самых популярных русских детских писательниц» на широком историко-литературном материале, охватывающем период первой трети XX в., рассмотрена в статье В. Головина [10].

Однако хотелось бы напомнить, что «первые защитники Л.А. Чарской – писатели-фронтовики Б.Л. Васильев и Ю.В. Друнина, – ссылались на охранительное, патристическое начало её творчества. Б.Л. Васильев писал о том, что её книги вызывали у него, как у читателя, любовь к России. Ю.В. Друнина – о том, что в военкомат в 1941 году её привёл не только Павел Корчагин, но и княжна Джаваха»³, – и привести слова одного из ее читателей (можно даже сказать – почитателей). Л. Пантелеев писал: «Сладкое упоение, с каким я читал и перечитывал ее книги, отголосок этого упоения до сих пор живет во мне – где-то там, где таятся у нас самые сокровенные воспоминания дет-

ства, самые дурманящие запахи, самые жуткие шорохи, самые счастливые сны <...> А я свидетельствую: любил, люблю, благодарен за все, что она мне дала, как человеку, следовательно, как писателю тоже»⁴.

Русалочка Жемчужина относится к любимому типу героинь Л.А. Чарской – «сильных личностей, склонных к бесчисленным проделкам, безрассудных девочек, чья истинно благородная природа еще должна себя проявить» [11].

Л.А. Чарская полагала, что детство должно быть радостным, а душа ребёнка требует максимально чуткого и деликатного отношения. В ее творчестве нашла свое воплощение реализация художественной концепции «детского» – воспитание не через устрашение, но через «нравственное и эстетическое наслаждение от восприятия щедрого и многообразного мира»⁵. В художественном мире Л.А. Чарской любые конфликты разрешаются через всеобщее примирение, взаимное прощение, душевный подъем. Писательница утверждала возможность художественной литературы «положительно повлиять на развитие человека растущего»⁶, говорила о гуманизации общества через самосовершенствование и саморазвитие. Столь характерное для многих стремление «играть» с «ребенком», представлять детский мир как «кукольный», «для Лидии Чарской совершенно неприемлем: она требует серьезного разговора с ребенком, но в его, “детской”, системе координат»⁷, хотя начало XX века – это время предельного обострения противоречий: общественных, идейных,

⁴ Цит. По: Матвеева А.С. Стиль сказочной прозы Лидии Чарской: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 16 с.

⁵ Шацкий Е.О. Нравственно-эстетическое своеобразие и актуальность творчества Лидии Алексеевны Чарской: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. С. 9.

⁶ Там же, с. 14.

⁷ Матвеева А.С. Стиль сказочной прозы Лидии Чарской: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. С. 14-15.

¹ Шацкий Е.О. Нравственно-эстетическое своеобразие и актуальность творчества Лидии Алексеевны Чарской: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. С. 20.

² Там же, с. 12.

³ Там же, с. 13.

личностных; время трёх революций и двух проигранных войн.

Герой сказки М.А. Осоргина «Царица-Жемчужина» – рыбак, который нуждается в деньгах, чтобы жениться на дочери богатого торговца. Рыбаку довелось встретиться с таинственным существом – душой жемчужины необыкновенного размера и красоты, которую он выловил в море, владычицы подводного мира, «свободной царицы над всеми жемчужинами моря». Она просит рыбака не губить ее душу и бросить ее назад в море. Рыбак отказывается это сделать, продает ее, счастливо женится – и теряет покой, потому что в своих видениях он постоянно слышит ее мольбы. В отчаянии он начинает ее искать, видит, как уплывает корабль с драгоценной жемчужиной, бросается вслед за ним на утлой лодке. Во время шторма погибают все.

Изучению особенностей пересмотра М.А. Осоргиным архетипического сюжета посвящена наша статья «Интерпретации архетипического сюжета о морской деве и рыбаке в сказке М.А. Осоргина “Царица-Жемчужина”» [12], в которой мы приходим к выводу о том, что, несмотря на то, что «позиция автора понятна: нет ничего дороже свободы; важность правильного выбора безусловна, поскольку есть такие ошибки, которые можно исправить, только заплатив за это жизнью; ценность живой души несопоставима ни с какими драгоценностями, – М.А. Осоргин оставляет читателю возможность многозначного толкования сказки, переосмыслив сюжет о встрече рыбака с таинственным существом в соответствии со своими творческими задачами» [12, с. 111].

Выводы

Литературная сказка была излюбленным жанром русских писателей Се-

ребряного века; эта традиция нашла свое продолжение в литературных сказках рубежа XX–XXI вв., в сказках и притчах писателей новейшего времени, повествующих о встречах с таинственными существами, таких как «Сказка о Морской царевне и сыне рыбака» Елены Бовиной, «Притча о старом рыбаке и жемчужине» Евгении Комаровой, «Легенда о принцессе Жемчужине» Елены Кукуевицкой, «Жемчужина раздора» Елены Гришиной, «Сказка о Морской Жемчужине» Екатерины Штефан и др.

В соответствии с традицией, в литературных сказках А.Н. Толстого, Л.А. Чарской, М.А. Осоргина сохранены основные художественные образы; основные мотивы (встреча с мистическим существом; несоблюдение запрета и последующее наказание; нарушение границы между космосом человека и миром нечистой силы) и элементы архетипического сюжета о водяной деве (русалке).

Несмотря на видимое совпадение образов главных героев, сюжетных линий, мотивов, хронотопов с мифологическими, фольклорными, литературными канонами, авторы, чьи сказки составляют материал исследования, разработали сюжеты и создали художественные образы, которые отличаются оригинальными и самобытными качествами.

Образы морской девы, русалочки, царицы (царевны) Жемчужины, сюжетобразующий мотив встречи человека с таинственным существом актуализируют аксиологический аспект интерпретации рассматриваемых произведений и позволяют понять иерархию ценностей писателей, реализующих дидактический потенциал литературных сказок.

Список литературы

1. Белоусова В. А. Из опыта изучения мифологических и фольклорных образов: «Русалочки сказки» А.Н. Толстого // Магистр – науке и образованию: актуальные проблемы современного литературного образования: материалы VII международной научной ви-

деоконференции, Москва, 05 апреля 2021 года / Московский педагогический государственный университет, Институт филологии. М.: Московский педагогический государственный университет, 2021. С. 24–31.

2. Дынин В.И. Образ русалки в южнорусской мифологии // БЕРЕГИНЯ. 777. СОВА: Общество. Политика. Экономика. 2012. № 3 (14). С. 112–116.

3. Киреев Р.Т. Русалка // Киреев Р.Т. Богини Парнаса: о тех, кого любили русские поэты. М.: Глобулус: ЭНАС, 2005. С. 103–110.

4. Маматов Г.В. Образ морской девы в поэзии К.Д. Бальмонта // Филология и человек. 2022. № 1. С. 140–148. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2022\)1-11](https://doi.org/10.14258/filichel(2022)1-11).

5. Степанова Н.С. Творческая личность в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. 164 с.

6. Толстой А.Н. Собрание сочинений: в 10 т. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 8. 568 с.

7. Чернова И. Д. Образ русалки в произведениях Г.Х. Андерсена, А.Н. Толстого и Н.С. Лескова // Научные труды молодых ученых-филологов: материалы Всероссийской конференции молодых ученых-филологов, посвященной 200-летию Ф.И. Буслаева, Москва, 16–19 октября 2018 года. М.: Литера, 2019. Т. XVIII. С. 99–102.

8. Жиркова М. А., Шевченко Л. А. Образ русалки в «Русалочьих сказках» А.Н. Толстого // Гуманитарный научный вестник. 2021. № 2. С. 123–133. <https://doi.org/10.5281/zenodo.4594507>.

9. Чарская Л. Синие тучки. СПб.: Изд-во В.И. Губинский, 1912. 254 с.

10. Головин В. В. Творчество Лидии Чарской в прижизненной критике // Детские чтения. 2018. Т. 13, № 1. С. 62–91.

11. Хеллман Б. Сказка и быль: история русской детской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 555 с. URL: https://royallib.com/read/hellman_ben/skazka_i_bil_istoriya_russkoy_detskoy_literaturi.html#768364.

12. Степанова Н. С., Лунева Н. А. Интерпретация архетипического сюжета о морской деве и рыбаке в сказке М.А. Осоргина «Царица-Жемчужина» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. 2022. Т. 12, № 4. С. 104–115.

References

1. Belousova V. A. From the experience of studying mythological and folklore images: «Mermaid Tales» by A. N. Tolstoy. In: *Magistr – nauke i obrazovaniyu: aktual'nye problemy sovremennogo literaturnogo ob-razovaniya: materialy VII mezhdunarodnoi nauchnoi videokonferentsii.* Moskva: Moskovskii pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet = Master – in Science and Education: Current Problems of Modern Literary Education: Proceedings of the VII International Scientific Videoconference. Moscow: Moscow State Pedagogical University; 2021. P. 24–31. (In Russ.)

2. Dynin V.I. The image of a mermaid in South Russian mythology. *BEREGINYA. 777. SOVA: Obshchestvo. Politika. Ekonomika* = *BEREGINYA. 777. OWL: Society. Politics. Economy.* 2012; (3):112–116. (In Russ.)

3. Kireyev R.T. Mermaid. In: *Kireev R.T. Bogini Parnasa: o tekhn, kogo lyubili russkie poety* = *Kireyev R.T. Goddesses of Parnassus: about those who were loved by Russian poets.* Moscow, Globulus; ENAS; 2005. P. 103–110. (In Russ.)

4. Mamatov G.V. The image of a sea maiden in the poetry of K.D. Balmont. *Filologiya i chelovek* = *Philology & Human.* 2022;(1):140–148. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2022\)1-11](https://doi.org/10.14258/filichel(2022)1-11). (In Russ.)

5. Stepanova N.S. Creative Personality in The Autobiographical Prose of The First Wave of Russian Emigration. Kursk: Yugo-Zapadnyi gosudarstvennyi universitet; 2022. 164 p. (In Russ.)
6. Tolstoy A.N. *Collected Works*. Moscow; 1960. Vol. 8. 568 p. (In Russ.)
7. Chernova I. D. The image of the mermaid in the works of G.Kh. Andersen, A.N. Tolstoy and N.S. Leskov. In: *Nauchnye trudy molodykh uchenykh-filologov: materialy Vserossiiskoi konferentsii molodykh uchenykh-filologov, posvyashchennoi 200-letiyu F.I. Buslaeva = Scientific works of young philologists. Proceedings of the All-Russian Conference of Young Philologists Dedicated to the 200th Anniversary of F.I. Buslaev*. Moscow: Litera; 2019. P. 99–102. (In Russ.)
8. Zhirkova M. A., Shevchenko L. A. The Image of the Mermaid in A. N. Tolstoy's «Mermaid Tales». *Gumanitarnyi nauchnyi vestnik = Humanitarian Scientific Bulletin*. 2021;(2):123–133. <https://doi.org/10.5281/zenodo.4594507>. (In Russ.)
9. Charskaya L. *Blue Clouds*. St. Petersburg: V.I. Gubinsky Publishing House; 1912. 254 p. (In Russ.)
10. Golovin V. V. The Works of Lydia Charskaya in Lifetime Criticism. *Detskie chteniya = Children's Readings*. 2018;(1):62–91. (In Russ.)
11. Hellman B. *Fairy Tale and True Story: History of Russian Children's Literature*. Moscow: New Literary Review; 2016. 555 p. (In Russ.). Available at: https://royallib.com/read/hellman_ben/skazka_i_bil_istoriya_russkoy_detskoy_literaturi.html#768364.
12. Stepanova N.S., Lunyova N.A. Interpretation of the Archetypal Plot about the Sea Maiden and the Fisherman in the Fairy Tale by M. A. Osorgin «Queen-Pearl». *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika = Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*. 2022;12(4):104–115 (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the Authors

Степанова Надежда Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и общеобразовательных дисциплин для иностранных граждан, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: ns-kursk@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-6834-5361,
SPIN-код: 4924-9710,
AuthorID: 443149

Nadezhda S. Stepanova, Doctor of Sciences (Philological), Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and General Educational Disciplines for Foreign Citizens, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: ns-kursk@yandex.ru,
ORCID: 0000-0001-6834-5361,
SPIN-код: 4924-9710,
AuthorID: 443149

Абу Юсеф Наталья Алексеевна, аспирант кафедры русского языка и общеобразовательных дисциплин для иностранных граждан, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация,
e-mail: natavvvv@mail.ru
SPIN-код: 6304-7350
AuthorID: 1170838

Natalya A. Abu Yusef, Postgraduate Student of the Department of Russian Language and General Educational Disciplines for Foreign Citizens, Southwest State University, Kursk, Russian Federation,
e-mail: natavvvv@mail.ru
SPIN-код: 6304-7350
AuthorID: 1170838